

DOI 10.22363/2312-8011-2017-14-1-140-142

ЕЛЕНА ЗЕЙФЕРТ. «ПЛАВИЛЬНАЯ ЛОДОЧКА» (ФРАГМЕНТ «КАРАГАНДИНСКОЙ ПОВЕСТИ»)

Дом на самой окраине Транспортного цеха, на двух хозяев: у Зигфридов синие ставни, у Бекеновых зеленые. На следующий год наоборот, хотя красят, не сговариваясь.

Бабушка замешивает тесто. У Ани и Йоханны слюнки текут! Баба Роза называет это блюдо штрудель, но соседка, старенькая тетя Паулина, поправляет ее — викелскейс, Роза, или на кислом-то тесте хейфеклейс, а штрудель, Роза, сладкий! Бабушка сердится — с ума ты выжила, Паулина, это штрудель! И вообще — говори по-русски, здесь обе мои внучки, в советской стране живем. Мягкое тесто раскатывается на тонкие большие блины, они целиком смазываются подсолнечным маслом и заворачиваются в длинный рулет. Кусочки этого рулета кладу на кубики картошки — она уже тушится в большом казанке — и в тающем сливочном масле растут под закрытой крышкой. «Дальше Караганды не сошлют», — бормочет Роза, закидывая кухонное полотенце на плечо. Радио тихонько рассказывает «Судьбу человека», актер читает с надрывом, полупшепотом, слышно каждое слово.

Дядя Эдик и его старший сын Костя балагурят, а баба Роза на них не надывается — приехали навестить ее сын и внук.

— Ань, ты где? — кричит Костя. — Кого ты любишь больше — бабу Розу или бабу Марийку?

Анютка вбегает на кухню и с ходу:

— Конечно, бабу Розу, у нее штрудли без капусты и мяса!

— А ты, Иванка? — ведь близняшка Ани уже тут как тут.

— Я больше люблю бабу Марийку, папа похож на нее, и я тоже. Мы немцы.

— И баба Роза — немка!

Йоханна смущенно опускает ресницы, смотрит в пол. Черноволосая красавица Роза подходит к ней, гладит внучку по золотой, цвета луковицы голове.

Мама режет лук. А пальцы ее в синих полосках краски (недавно красила ставни), и Анины щеки тоже. Одна из яблонь, перегнувшись через забор, плодоносит в огород к Бекеновым, яблоки ее нежны. Выйдешь из дома, впереди барак с огромным тополем, а за ним терриконы двенадцатой шахты, виадук, по нему идут машины и редкие автобусы в Старый город. До школы минут десять проселочной дорогой вглубь поселка. А у бабы Марийки крайний дом в другом конце Транспортного цеха, до него полчаса: внутри там такой порядок и стерильная чистота, что хочется разуться, особенно если ты босиком.

Шестилетняя Аня всюду ходит по пятам за отцом, а это не так и просто. Отец как маленькая, мускулистая пчела. Он всегда что-то строит — летнюю кухню, сарай, или ремонтирует дом и хозяйственные постройки, или возится с землей.

«Скрепер!» — кричит глазастый отец, завидев машину еще на трассе, и бежит к калитке в кирзовых сапогах встречать землю. Скрепер привозит отцу все новые срезы земли, Аня уже привыкла к железному чудищу и к его необычному имени. Машина пышет железным жаром и словно ест сама себя. Огромный желто-черный кузнечик, сколько локтей и колен!

<...>

На столе готовый штрудель в глубоком синем блюде, пар над ним. Картошечка в сливочном масле на дне, пышное дышащее тесто. Мама, побольше клади мне, полную тарелку с горкой, и дай мне большую ложку!

Отец вырезает кукольную мебель из жести. В ход идут высокие жестяные банки из-под иваси — отец режет из их стенок стульчики, столики, кровати, диванчики. Даже шкафчики — дверцы к ним приделывает проволокой. В летней кухне по левую сторону дивана живут Анины куклы, по правую — куклы Йоханны. У каждой семьи своя мебель, есть спальня, гостиная, кухня, прихожая. Куколки маленькие, дети называют их пупсиками. У Ани два мальчика — Костя и Миша. Костя резиновый, у него карие глаза и каштановые литые волосы с завитками на затылке, у пластмассового Миши прическа цвета его тела.

На круглом столе вертится юла, в ней заснеженный лес, идет снежок, лошадка везет карету, в ней мишка в барской шубке.

В последние дни августа кукольные семьи переезжают из летней кухни в дом. Между строениями — три сбитые в плот доски, сестры, собрав пупсиков и их пожитки в два больших бабушкиных платка, бегут по крашеной доске в дом. А в освободившиеся кукольные квартиры мама сыплет в одну красные помидоры, в другую — зеленые. Помидоров много! Их будут мариновать, закатывать из них лечо с болгарским перцем, резать свежими в салат, дарить и продавать, набирая ведра с горкой и обвязывая их штапельными платками, чтобы плоды не рассыпались.

Некоторые помидоры лежат, зреют до самой зимы, уже в доме, под бабушкиной кроватью. А зимой в летней кухне холодно, как на улице. Отец держит там мешки с комбикормом для свиней и зерно для кур.

Под Старый Новый год одиннадцатилетняя Йоханна с одноклассниками идет петь колядки, они берут с собой новогодние маски, у Йоханны мордочка белки. У Витьки Ковалева не просто маска, а костюм волка — к своему тулупу он прицепил волчью шкуру. Едва живые от страха, дети забегают даже к цыганам, в дом, при котором пункт приема стеклопосуды. И те, удивленные, радуясь ребятишкам, дают целых шесть рублей и много шоколадных конфет. Йоханна снимает маску, чтобы осмотреться, вдохнуть обстановку. Пахнет куревом, соревнуются в силе яркая роскошь и яркая бедность. Курчавый седой цыган берет девочку за руку, спрашивает, как ее зовут, и дивится, сокрушенно качая головой: «А почему же тебя зовут, как мальчика?» Йоханна опускает глаза. У него черные волосы, но совершенно седая борода. Цыгане живут в середине поселка, а впереди еще много домов, но и мешок у детей большой! Дети бегут дальше, рассуждая, настоящая ли была борода у цыгана?

На самом конце Транспортного Цеха — дом бабушки Марийки. Ребята стучатся в калитку, громко лает собака, но притихает, узнав Йоханну. Крепкая, стройная, бабушка выходит из дома во двор и кричит: «Кто там?» В ответ раздается пение:

Сеем, веем, повеваем,
С Рождеством вас поздравляем!
Вы Христа прославляйте,
Угощенья нам давайте!

— Прочь, прочь, — кричит строгая баба Марийка. — Мы немцы, Старый Новый год не празднуем, не нужны нам колядки. Ходят тут, народ пугают.

— Баба Маша! — кричит Витька. — А здесь ваша внучка — Иванка! — ребята выталкивают робкую Йоханну вперед.

— Внучка моя? — потеплевшим голосом спрашивает бабушка Марийка, у нее к тому времени уже больше двадцати внуков от девяти ее детей. — А чья дочка?

— Дочка дяди Ивана!

Через несколько минут ребята сидят на полу в доме у бабушки Марийки, рассыпав по ковру вырученные конфеты и деньги, весело их считают и делят. Тут же пробуют конфеты и разбрасывают фантики. Йоханна в ужасе — у бабули в чистых носочках обычно нельзя пройти в гостиную, а тут она пустила всех в верхней одежде, и так намусорили на богатом ковре!

А бабушка готовит им чай с молоком и все бормочет, извиняясь:

— Ох, не узнала свою рыженькую внучку! Но мы немцы, у нас праздники другие.